

Таким образом, из всех приведенных документальных данных видно, что первоначально на юге России явились казаки татарские, за татарскими казаками—казаки украинские или южнорусские, чисто славянской народности. В первое время южнорусские казаки представляли собой не больше как пограничную стражу, состоявшую под главным ведением воевод и второстепенных старост литовско-русских пограничных замков и городов. Популяризм из старост Ляндскоронскому и в особенности Дашковичу, сколько известно, выпала первая роль если не организовывать козацкое сословие, как утверждают это польские писатели Несецкий, Старовольский, Зиморович и немецкий историк Энгель, то по крайней мере сплотить его в одно целое. При них ядром малороссийского козачества сделался городок Черкассы и Канев; а скоро после них козацество, постепенно увеличиваясь в своей численности, заняло Киевскую, Черниговскую, Полтавскую и южную часть Подольской губернии. Однако рядом с козаками-пограничниками и их начальниками-старостами изредка действовали и независимые "купы" козаков под начальством собственных вожakov. Своим вожакам казаки давали название гетманов (от немецкого *hauptmann* — капитан) и первоначально придавали этому слову значение вообще предводителя, не соединяя с ним представления ни об административной, ни о судебной власти, как было впоследствии.

Целью первых движений малороссийских козаков из городов в степи, как показывают приведенные свидетельства 1489, 1499, 1552 годов, были интересы военные и промышленные. Так одни из них уже в это время воевали у Буга с татарами; другие, в качестве рыболовов, звероловов, пасечников и мелких торговцев, отправлялись к Днепру за разного рода добычей.

Такова видимая картина начала и развития южнорусского козачества.

Но за этой видимой картиной скрывается несколько причин, благодаря которым южнорусское козацество, начавшись небольшими купами, дошло до развития в целое сословие и разлилось по обширной территории Малороссии и потом Запорожья.

В ряду таких причин первое место занимает причина земельная. Действие этой причины началось с перемены земельных отношений в южнорусских областях после перехода Киевского княжества в 1471 году к Литве и обращения его в воеводство. Литва, присоединив к себе русские области, ввела в них собственный, феодальный порядок государственного строя, и тогда под влиянием этого порядка принцип земельного владения на Украине стал складываться совершенно иначе, чем он выражался в течение многих веков дотоле. По принципам южнорусского государственного строя земля принадлежала не отдельному лицу и не целому сословию, а считалась собственностью общины. По феодальному принципу литовского государственного строя земля считалась собственностью государя и раздавалась им лицам высшего и среднего сословия, отличавшимся на военном, административном или придворном поприще и потому считавшимся правоспособными на пользование земельными участками; крестьяне же, как низший класс населения, считались неспособными и потому не имели права лично на обладание землей. Этот принцип применен был и в отношении украинского населения, поступившего под власть литовского князя. Отсюда естественно, что южнорусское население, встретив невиданный им порядок вещей и постепенно обезземелившись, стало бросать центральные места государства и уходить на окраины его. Пользуясь правом перехода от одного места на другое, оно не встречало никаких препятствий при своих передвижениях и даже находило сочувствие со стороны властных лиц, так как при отсутствии постоянных войск в литовском государстве тогдашнего времени, могло стать оплотом на порубежных владениях Литвы против подвижных, воинственных и жадных к добыче татарских наездников. Это и было первой из причин

появления на Украине южнорусского козачества.

Второе место в образовании южнорусского козачества занимает экономическая причина. Эта причина стоит в зависимости от системы обработки земли в центральных областях великолито-вского княжества до половины XVI столетия. До означенного времени в Великом Литовском княжестве ценными землями считались земли лесные, водные и болотные, на которых можно было вести лесное хозяйство, добывать рыбу, ловить зверей ("бобровые гоны"), разводить пчел ("пчелиные борты"). Земли же с черноземными залежами считались малоценными; самая обработка земли практиковалась в весьма малых размерах, единственно для первых потребностей хозяйств. Оттого до 1569 года, или до так называемой Люблинской унии, литовские помещики совсем отказывались от окраинных черноземных земель, и правительство предоставляло их во владение низшему сословию. Но низшее сословие, получая эти земли в свои руки, должно было на собственный страх и защищать их от воинственных соседей, чтобы удержать свое имущество и вместе с тем защитить семьи от хищных соседей, поселенцы крайних земель должны были взяться за оружие и стать на военную ногу, а это и было второй из причин появления южнорусского козачества.

Третьей причиной появления южнорусского козачества было существование в Белграде, Крыму и Азове татарских козаков. Уходя в степи ради зверя, дичи, скотоводства и пчеловодства, выплывая в реки и лиманы ради рыбы и соли, южноруссы постоянно сталкивались с татарскими козаками и постепенно усваивали от них как отдельные слова, так и костюм, вооружение, самые приемы битвы и наименование козаков. Если заимствование одного народа у другого происходит на почве мирных сношений, то тем больше делается заимствований между народами, поставленными во враждебные и воинственные друг к другу отношения: в этом случае, чтобы научиться побеждать более сильного неприятеля, нужно изучить все тонкости его боевой тактики и взять в руки одинаковое с ним оружие, надо, одним словом, располагать равномерными с ним боевыми средствами. Мирное южнорусское население, силою земельных и экономических обстоятельств вытесненное из центральных областей своего государства в степные окраины и ставшее лицом к лицу с воинственным азиатом-наездником, волей-неволей усвоило себе все боевые приемы и самое наименование "козака".

Четвертой причиной появления южнорусского козачества была близость вольных степей. Чтобы вырости, воспитать целое сословие или общину воинов, для этого нужен простор, нужны вольные земли, свободная, никем не занятая территория или, по крайней мере, окраины, пограничные со степной равниной. Оттого мы и видим, что как в самой Азии, так и в европейской России козацество всегда начиналось на пограничной территории государств, развивалось и ширилось на открытых степных равнинах. Так было и в южной России; сами южнорусские казаки, понимая это лучше, чем кто другой, вложили добытую ими историческую истину в пословицу "степ та воля — козацья доля", т. е. воля начинается там, где начинается вольная степь и вне степи нет ни козака, ни воли.

Наконец, в ряду перечисленных причин возникновения южнорусского козачества нельзя умолчать и об этнографических особенностях южнорусской народности, которой в силу самой исторической подготовки весьма сродна была такая форма общественной жизни как козацкая община. Дело в том, что южнорусская народность, воспитанная на вечном строе, самосуде и самоуправлении, потом ставшая в зависимости от Литовского Великого княжества и не вполне вошедшая в колею государственных порядков его, оттого потянувшаяся на свободные, никем не занятые места, естественно могла стремиться воскресить в своей памяти "давно померкшие

идеалы" некогда существовавших в южной Руси на началах полного самоуправления, общественных порядков и также естественно могла стремиться повторить их на новых землях, вдали от феодально-аристократических порядков Литвы и Польши. И точно, Запорожье с его товариществом, выборным началом старшин, войсковыми радами, общим скарбом, общей для старшин и простой массы пищей, отдельными куренями — все это же общинно-вечевые порядки древней южнорусской жизни, но только дошедшие до самого высшего предела развития.

Так или иначе, но документальные данные говорят, что первоначально на юге теперешней России появилось татарское козацество, за ним возникло и образовалось городское, малороссийское козацество. За городовым, малороссийским следовало низовое или запорожское козацество. Отп-

Печать Войска Запорожского

рвляясь из Киевского воеводства в низовья Днепра за рыбой, бобрами, солью, дикими конями и другой добычей, городские казаки насжили там места для низового запорожского или вольного козацества, не подчиняющегося ни воеводам, ни старостам, а слушавшего лишь своих собственных вожаков или атаманов. Конечно, община низовых козаков сложилась не сразу, а постепенно и число ее последовательно увеличивалось различными людьми, недолгими существовавшими в польско-литовском государстве порядками и искавшими выходов из своего тяжелого положения.

По месту своего жительства, на низовьях Днепра за порогами, вольное козацество называлось низовым или запорожским войском. С XV до половины XVI века этим именем назывались как собственно те, которые жили на Низу, за порогами Днепра, низовые или запорожские казаки; так и те, которые жили выше порогов, городские или реестровые и нереестровые казаки; они именовались общим именем "войска его королевской милости запорожского". С половины XVI века городские казаки обособились от низовых, но удержали свое название "войска запорожского", хотя, живя в городах Украины, не имели никакого основания называться этим именем; низовые казаки, навсегда отделившись от городских, стали именоваться по праву запорожцами, сичевиками и строго отличали себя от городских козаков. В 1751 году запорожские казаки заявили официальную жалобу на то, что городские казаки и их полковая старшина не по праву "называют себя и подписываются войском запорожским".

В Москве часто смешивали собственно запорожских с городскими украинскими козаками и нередко тех и других именовали общим именем "запорожских черкас".

Первым указанием отделения низовых или запорожских козаков от украинских или городских нужно считать указание 1568 года, когда казаки стали "на Низу, на Днѣпрѣ, въ полѣ и на ихнихъ входахъ перемѣшивать", т. е. проживать вли и иметь оседлость.

Но более определенным указанием обособления низового козачества от городского может служить реформа короля Стефана Батория, последовавшая, приблизительно, около 1583 года, о разделении украинских козаков на ре-

естровых и нереестровых, когда реестровые объявлены были, так сказать, подзаконным козацким сословием, а нереестровые незаконным. Последние, горя ненавистью к правительству, устремились за пороги Днепра и там установили "свою волю, свою правду, свою силу". Наконец, резкое разделение запорожских козаков от городских окончательно установилось в первой половине XVII века.

Начавшись со второй половины XVI столетия и просуществовав почти до конца XVIII, запорожцы до 1654 года находились в зависимости от Литвы и Польши, а с этого времени вошли в зависимость от России: на Переяславской раде они признали власть малороссийского гетмана и через него должны были сноситься с московским царем. Однако зависимость запорожцев от Литвы и Польши была более номинальной, нежели фактической. Так, хотя по

указам литовско-польских королей Сигизмунда-Августа и Стефана Батория запорожские казаки должны были повиноваться старшине украинских козаков, но они не обращали внимания на эти указы. Поддерживая тесную связь с Украиной, они жили совершенно независимой от нее жизнью: "не отступая повиновением от гетмана по внешнему виду, надеясь на свою отдаленность, запорожцы всегда мало и тогда только, когда им прибыло казалось, повелениям малороссийского гетмана повиновались. Даже и тогда, когда гетманы стали именоваться гетманами обеих сторон Днепра, власть их в действительности не простиралась далее Кременчуга и Переволочной".

В гораздо большей зависимости очутились запорожские казаки от Москвы, когда с половины XVII столетия перешли в ее подданство. Правда, в XVII веке эта зависимость выражалась еще в довольно слабой степени, но зато с начала XVIII века запорожцы все более и более теряли отличительные черты своей оригинальной жизни и под конец исторического существования жизнь запорожских козаков, если исключить безженство, собственно сичевых товарищей, мало чем отличалась от жизни украинских козаков.

Несмотря, однако, на все различие запорожских от городских козаков, между теми и другими в первое время исторического существования была такая тесная связь, что отделять историю одних от истории других в течение XVI и начала XVII века не представляется никаких оснований. Только с половины XVII столетия различие между запорожскими и городскими или гетманскими козаками становится осозательным, а потому с этого именно времени начинается и собственная, в строгом смысле слова, история запорожских козаков.

По ходу исторических событий и по тем и другим задачам, которые брали на себя запорожцы, вся история запорожских козаков может быть разделена на следующие шесть периодов времени. Период образования запорожского козачества (1471—1583). Период борьбы против Польши за религиозно-национальную независимость южной Руси (1583—1657). Период участия в борьбе за религиозно-национальную независимость правобережной Украины против Польши, Крыма и Турции (1657—1686). Период борьбы про-

тив Крыма, Турции и России за собственное существование (1686—1709). Период существования запорожцев за пределами России и попытки их к возвращению на родные места (1709—1734). Период борьбы с русским правительством за самостоятельное существование и падение Запорожья (1734—1775).

Первые моменты исторической жизни запорожских козаков, как и всяких других народов, не оставивших по себе первоначальных письменных памятников, представляют собой загадку неизвестности и дают обильную пищу для всяких предположений и домыслов. Кто был истинным организатором их войска, каковы были вначале их боевые средства, как широко простирался район деятельности их — на это никаких не имеется данных. Конечно, на первых порах в действии козаков не могло быть правильно сознанный и прямо поставленной задачи, и они в этот период времени должны были действовать партийно, или, как сами говорили, купами. Начало организации могло быть лишь с появлением на Низу общего предводителя козаков, впервые соединившего их в одно для общей цели, — борьбы с мусульманами, и положившего начало столице их, называемой Сичею. Первую попытку в этом роде сделал знаменитый князь Дмитрий Иванович Вишневецкий.

Князь Дмитрий Иванович Вишневецкий, истинный козац по натуре и знаменитый вождь своего времени, был потомком волынских князей Гедиминовичей, родился в православной вере, имел у себя трех братьев Андрея, Константина и Сигизмунда и состоял владельцем многих имений в Кременецком повете, каковы: Вишневец, Подгайцы, Окимны, Кумнин, Лотрика и другие. На исторической сцене Вишневецкий впервые стал известным с 1550 года, когда назначен был польским королем в старосты Черкасского и Каневского повитов. Каков был Вишневецкий как управитель повитов, нам неизвестно; известно лишь то, что в этом звании он оставался всего лишь три года: получив отказ от короля Сигизмунда-Августа по поводу добровольного отъезда служилых людей от короля, ушел из Польши в Турцию и поступил на службу к турецкому султану: "А съехал он со всем своею дружиною, то-есть, со всем тем козацтвом или хлопством, которое возле него проявлялось", — писал о Вишневецком Сигизмунд-Август Радзивиллу Черному 15 июня 1558 года. Вскоре, однако, король, обеспокоенный тем, что турки в лице Вишневецкого приобретут отличное полководца с переходом его в Турцию, врага польскому престолу, снова привлек князя к себе, дав ему опять те же города Черкассы и Канев в управление. Управляя этими городами, князь, хотя и был доволен на этот раз королем, но чувствовал недовольство в самом себе: душа его жаждала военной славы и ратных подвигов. Тогда он задался мыслью огрadyть границы польско-литовского государства посредством устройства на острове Днепра крепкого замка и помещенная в нем сильного гарнизона. Очевидно, Вишневецкий в этом случае хотел повторить то, что раньше его высказал Евстафий Дашкович. Свой план Вишневецкий хотел осуществить постепенно и высказал его открыто в 1556 году. Не найдя, однако, себе фактического сочувствия среди польских властных людей. Вишневецкий снова решил покинуть родину и искать счастья за пределами отечества.

В это самое время он узнал, что московский царь Иван Васильевич Грозный, желая предотвратить набег крымских татар на московские окраины, отправил два отряда русских ратников с путильскими козаками на Низ — один под начальством Чулкова по Дону, а другой под начальством дьяка Ржевского по Днепру и приказал им сдобывать языков и проводить про крымского хана". Весть о походе русских против крымцев пришла как нельзя кстати по вкусу черкасско-каневским козакам и они, собравшись в числе 300 человек, под начальством своих

атаманов Млинского и Михаила Еськовича, иначе называемого Миской, бросились вниз по Днепру и заодно с дьяком Ржевским и русским войском причинили много бед туркам и татарам под Ислам-Керменем, Очаковым и Волам-Керменем.

Подвиги козаков черкасско-каневских замков вызвали на сцену и самого старосту, князя Дмитрия Вишневецкого, и в то время, когда Ржевский после похода отступил в "литовскую", т. е. западную сторону Днепра, Вишневецкий очутился на Днепре, и расположился на острове Хортице, откуда рассчитывал открыть постоянные набег на мусульман. С этой целью он устроил здесь, в 1556 году, земляной "город" против Конских-Вод, у Протолчи, послуживший потом прототипом Сичи запорожских козаков.

О своих подвигах против татар и турок на Днепре князь Вишневецкий не замедлил известить, через служебника Миску (т. е. Михаила Еськовича), короля Сигизмунда-Августа, прося у него королевской протекции. На то донесение король отвечал Вишневецкому грамотой, писанной если не весной, то летом 1557 года. В этой грамоте король отвечал Вишневецкому, что присланные им листы, через служебника Миску, получены во время пути, именно тогда, когда король ехал с королевою Екатериною с варшавской сейма в Вильну и, по распоряжению самого короля, служебник тот задержан был с ответами королевскими на продолжительное время. Распоряжение же это сделано было на основании известия, принесенного королевским послом, князем Андреем Одинцевичем, о намерениях и замыслах перекопского царя: перекопский царь, по известию королевского посла, о чем король узнал по приезде в Вильну, хотел добывать князя Вишневецкого в построенном им замке; вследствие этого а также вследствие суровой зимы и трудного проезда к Вишневецкому и вследствие ожидания проезда посланного к Вишневецкому дворянина Василия Шишковича, король и приказал задержать отъезд Миски. Кроме этого король писал Вишневецкому и о том, что он, сперва по слухам, а потом от присланного князем хлопца, узнал о нападении на Вишневецкого перекопского царя. Воздавая похвалу Вишневецкому за его службу, стойкость и мужественную оборону людей, при нем находящихся, король обещал и на будущее время не забывать его подвигов: "А что касается замка, построенного тобой, и твоей услуги, оказанной нам, то такая услуга приятна нам, потому что ты устроил на нас, господаря, замок на нужном месте, и именно такой замок, где была бы безопасная осторожность для удержания лихих людей шокдинок с обеспечением панств наших. Но чтобы усилить тот замок людьми и боевыми средствами, как ты писал нам о том, то без личного твоего приезда к нам, мы теперь не имеем достаточно оснований причин исполнить это, хотя выводить тебя из замка на это время также не годится ради известия от тебя и из других мест ("украин") о замысле со стороны великого московского князя соорудить замки при реке Днепре в том именно месте, где и ты хотел будовать города, на нашей земле, а также и ради зацепок, на которые могли бы отважиться, в твоё отсутствие, казаки и подвергать опасности области нашего государства. Выводить тебя из замка не годилось бы еще и для того, чтобы ты оставаясь в нем, мог большую пользу принести, не дожидаясь козаков делать зацепок чабанам и шкодить улусам турецкого царя, смотря на многие причины, на докончание и присягу нашу с турецким цесарем и вечный мир с перекопским царем". В заключении грамоты король извещал Вишневецкого об отпуске к нему какорго-то Захарки, о котором князь писал королю, а также об отправке к князю собственного королевского слуги — дворянина с ответом на все письма и просьбы князя и возвращении из Польши посла перекопского царя вместе с польским послом Довгиром. Посла, отправленного к Вишневецкому, король приказывал людям Вишневецкого встретить у Черкасс и самому князю, в виду важности дела, выслушать его с особенным вниманием.